

Культура

Максим Венгеров в машине времени

Анна ВЕТХОВА

Всемирно известный скрипач, обладатель премии Grammy Максим Венгеров в нынешний свой приезд задержался в Москве на несколько дней. После концерта, который он дал в Большом зале консерватории, Венгеров устроил мастер-класс для студентов, на котором, к всеобщему удивлению, занимался и с молодыми музыкантами, играющими в так называемой аутентичной манере. Оказалось, что Венгеров не на шутку увлечен этим исполнительским течением, благодаря чему радикально пересмотрел свою манеру исполнения Баха. После мастер-класса Максим Венгеров дал эксклюзивное интервью «РК».

— Как давно вы заинтересовались аутентичной традицией исполнения музыки эпохи барокко?

— Когда я приехал на Запад, барочное движение находилось на самом пике развития. В 17 лет я познакомился с клавиеснистом и дирижером Тревором Пинноком. У нас было совместное выступление: я играл концерт Моцарта, а он дирижировал. Помню, что на бис я исполнил тогда какую-то часть из сонаты Баха. После этого Пиннок мне сказал: «Ты замечательно играешь, но у меня есть к тебе предложение. Не хочешь ли ты исполнить Баха в другой манере на старинной скрипке?». Тогда я первый раз услышал о том, что такое в принципе возможно. И когда я увидел старинную скрипку, я был просто в шоке. Мне показали другой мир, совершенно неизведанный. В 2000 году я наконец-то решился пойти на этот эксперимент. Первоначально я сделал это из чисто ла-

бораторных соображений: мне было любопытно, как же Бах будет звучать на старинной скрипке. И я начал исследовать этот путь. Мой скрипичный мастер переделал мою первую скрипку, на которой я играл еще в России, на старинную: поменял пружину, подставку, поставил жилые струны — одним словом, привел инструмент в абсолютное соответствие с тем, каким он был во времена Баха. Первые шаги оказались очень трудными: это был эксперимент с совершенно другой натурой. Мне пришлось не просто себя переделывать, но ломать как скрипача. Я привык играть так, а новый инструмент мне говорил: иначе. Я получил несколько уроков от Тревора Пиннока, но в основном технике и манере исполнения на старинной скрипке учил меня сам инструмент: я просто опирался на свое ощущение музыки. А музыка Баха — это же Библия для каждого музыканта, и именно с нее я и начал изучение того, что называется сегодня аутентичным исполнительством. Скажу честно: мне пришлось нелегко.

Это уже не первый эксперимент с инструментами, которые Максим проводит самостоятельно. Ведь на альте он тоже научился играть сам, да так освоил эту «большую скрипку», что сделал запись Концерта для альтя с оркестром Уолтона, за которую и получил Grammy. А музицированием в аутентичной манере он заразил и своего отца, Александра Венгрова, который уже несколько лет играет в составе ансамбля старинной музыки.

— На мастер-классе вы рассказывали довольно много и о биографиях композиторов. Вы действительно считаете, что знание того, сколько детей было у Баха, может помочь понять его музыку?

— Я думаю, что при создании интерпретации важно абсолютно

все: и условия, в которых писалось сочинение, и окружение, в котором жил композитор, чем он дышал, о чем мечтал. Например, Шостаковичу довелось быть продуктом советского времени. Если бы он жил в другую эпоху, то при своем таланте тоже писал бы гениальную музыку, но совсем иную. На мой взгляд, исключение составляют Прокофьев и Моцарт: они вне времени.

Моя идея — дорасти до композитора, постараться даже стать им. Когда выходишь на сцену, нужно быть совершенным инструментом, чтобы передать мысли, которые закладывал в ноты композитор. Музыка — это духовная Вселенная, и чтобы быть с этой Вселенной в гармонии, нужно выйти на духовный уровень композиторов, а у каждого из них — своя высота. Это очень долгий путь. Можно, конечно, поступать иначе: выходить и играть себя, т.е. заниматься самовыражением через музыку. Мне этот путь не близок.

— Сколько бы мы ни знали о композиторе, мы все равно не сможем приобрести тот эмоциональный опыт, которым располагал он. Мы не можем заставить себя пережить то, что он пережил. С помощью какого «механизма» вы можете отождествлять себя с композиторами?

— Да, буквально это невозможно, но мы должны пытаться. Это — воображение. И это — машина времени. У каждого из нас есть духовное тело, благодаря которому мы можем соединиться с той или иной душой. Это — магия, при помощи которой должно сложиться ощущение, что вы слышите Брамса, а не Венгрова. Я всегда пытаюсь исключить свою персонию, когда играю. Хотя все равно я передатчик эмоций и информации. И единственный

способ сделать это «я» меньше и незаметнее по сравнению с композиторским «я» — каждый день совершенствоваться.

В приватной беседе, которая состоялась у меня с Александром Венгровым, пока Максим раздавал автографы, он рассказал, что привык к постоянным переездам сына. Максим гастролирует с 10 лет, и родители почти всегда сопровождают его в турне. За эти 20 лет они настолько привыкли к постоянным сменам мест и часовых поясов, что больше двух недель не могут оставаться на одном месте. «Может быть, все изменится, когда появятся внуки», — мечтательно заметил папа скрипача. Пока же Максим — большой любитель автомобилей и мотоциклов, из-за концертного графика не может даже осуществить свою

заветную мечту: пересечь Америку на любимом Harley — Davidson.

— В этом году вы сыграли около 130 концертов, объехали весь мир...

— Я поставил себя в такие условия намеренно: решил побывать везде, чтобы многому научиться. Я захотел встать на новый энергетический уровень, пройдя через колоссальные трудности. И насколько не жалею об этом, потому что действительно очень многого добился за этот год. Усилия были невероятные, и я остался доволен собой. Когда я запланировал себе такой концертный график, я вдруг понял, что это невозможно. Невозможно не только сыграть столько концертов, но и выдержать нагрузку, исполняя программы такой сложности. То, что я сыграл в Москве

во втором отделении (произведения Венявского, Паганини, Изаи, Крейсера высшей технической сложности. — А.В.) — это марафон, это самоубийство скрипача.

На следующий год я сам записал себя в студенты. Буду учиться джазовой импровизации — это было моей давней мечтой, поскольку я очень люблю джаз. Кроме того, я буду играть на электронной скрипке и еще — танцевать танго. У меня есть проект, в котором смогу все это воплотить. Одним словом, мне предстоит овладеть очень многими абсолютно новыми для себя вещами. Это и любопытно, и необходимо: я должен все время развиваться. Жизнь невероятно интересна, когда мы сначала учимся, а потом делимся своими знаниями и умениями с другими.